

ства: «В тридцать седьмом году столько позабрали у нас людей! Вы же, наверное, историю-то учите, знаете, сколько позабрали у нас в деревне! Безвинно пострадали! Поубили там! Уничтожили!» (М.В. Марченко); «А в пият шестом только с нас сняли, как мы были дети врагов народа, вот, и поэтому вот это, мы живем, терпим. А куда денешься?! И не обижаемся на власть на нашу. Отцы наши пострадали совсем ни за что! Да все, везде ж забирали, и на западе забирали, и здесь забирали, везде забирали» (З.М. Войлошникова); «Щас уораздо лучше! Раньше, коуда наши приехали, если у него лошадка во дворе, там телега, может, ещё, то он кулак, его раскулачивали» (М.В. Марченко). В представленных примерах субъект внешнего действия не выражен (позабрали, уничтожили, сняли...), и это подчеркивает волю, силу внешних обстоятельств над человеком – судьбоносную волю.

Второе субполе в семантическом пространстве «жизнь» можно обозначить как **место жизни**. Эта тема является одной из главных в воспоминаниях старожилов, ведь Дальний Восток никогда не был «лёгким» для проживания: «У нас восемь семей сюда приехало, и нас осталось, наверное, только четыре. Те поубежали. Кто назад уехал, кто куда. А мы остались. Потому что мы там работали, и работы не боялись. А тута некоторые, было, слежка и там работали, дак им страшно тут показалось» (Н.К. Гладкова). В то же время в рассказах присутствует очень теплое отношение к дальневосточным местам: «Село наше хоро-ошее было, у нас было и общежитие, было у нас... Ну дом культуры-то у нас щас есть! У нас было только... восемь тысяч свиней только было! Представляете?! Было четыре стада коров, все, все у нас было, у нас село очень хорошее было! Студенты к нам любии-или приезжать» (З.М. Войлошникова).

Третья важная часть бытия в пространстве «жизнь» – это **условия жизни**. Речь идет о «нормах» существования, где основная задача: как и чем прокормить и обеспечить семью: «О, как жили, да! Матрас этот набьем сеном... Вся вот эта постель была! Жили-то, батюшки! Но выкарабкались! Хоть и хаят, хаят, вот коммунистов хаят, а ведь выкарабкались! В магазинах потом стало всё! Вот всё стало в магазинах! Ситец, пойдёшь – пийсят копеек! У нас мама к каждому празднику нам плат(ь)и шила! К ка-аждому празднику!» (А.А. Лесникова); «Шкуру обязательно надо сдать. И уовядину, если режешь бычка там, корову, обязательно. Овечку держишь – шерсть сдай! Корову держишь – молоко сдай! Четыреста литроу» (М.В. Марченко); «Брынзу какую-то, носи молоком, налоу, потом ещё, значить, это, заём как пошёл этот, занимали (в)сё, когда только отдавать будут. И вот, как оуороды пахать, так заём. Тебе сказали, вот двести пийсят, или триста, хоть сдохни, подпишишь! уолосом уолосили женщины!» (Н.К. Гладкова).

Практически ни одно повествование о прожитых годах не обходится без описания тягот военного времени: «Война было уоре, большое уоре, но работали. Были и голод, и холод, всяк було, но день и ночь работали» (Л.Н. Репешко); Женская доля всегда была тягостной вдвойне. Дед говорил: «На войне у нас паёк был, а ей, когда «всё для фронта, всё для победы», надо было чем-то не только себя, а в первую очередь детей накормить» (Л.А. Головчанская). И при всем при этом: «Да вот уже война, что уолодная была такая, а люди какие-то весёлые были! И уолодные, совсем же уолодные, идут на работу и песни поют, идут с работы и опять поют!» (П.П. Ратушкина).

С другой стороны, человек в какой-то степени может повлиять на свою судьбу: в любой момент можно сделать поворот, трансформировать жизнь. Цель и смысл индивидуаль-

ной жизни каждой личности тесно связаны с социальными идеями и действиями, определяющими цель и смысл общества, в котором человек живет и трудится, его предназначение, а, следовательно, ответственность. Этой ответственностью четко очерчиваются границы того, что можно и чего нельзя ни при каких условиях делать. Рано или поздно человек начинает анализировать свою жизнь, поведение и поступки, и происходит это на разных уровнях – будь то определение своего места в обществе: *«Всегда хорошо! Хорошо нам, нам беднякам никогда хорошо нету! Кто маленьке побогатее, он так и побогатее и остаётся! И остаётся, и остаётся... Мы были как бедняками, так и помрём бедняками!»* (П.П. Ратушкина); *«Ведь, хочется, чтоб было хорошо, чтоб жили хорошо... Но хорошего будет мало, девки, да, хорошего будет мало... Вот всё равно, вот, надо что-то бы вот, что-то менять надо, менять! Неправильно вот это вот всё! Мы уже пожилы, мы вот знаем... вот после войны како(е) восстановление шло! Ведь ничё не было! Что, была разруха полная, полная!»* (А.А. Лесникова); или понимание коллектива, в котором нужно добросовестно исполнять свою работу (амурские старожилы, судя по рассказам, не мыслят себя вне коллектива): *«Так и в колхозах: друуая пойдёт хоть и полоть, щас и дома полють, друуая полеть на совесть, она и отстаёт, а всё равно свою урядку, она на совесть идёт, тама трава, тама трава, она её старается. А та тьяками тья-тья-тья, и пошла, а сзади трава-то стоить!»* (П.П. Ратушкина); *«Я был передовой механизатор. В пятьдесят четвёртом году от эмтээса был передовой. Был удостоен, два раза, на всесоюзн(ю) выставку. В Москву. В пятьдесят четвёртом году ездил в Москву»* (В.А. Номоконов); *«Как мне женщина говорит: «Изработанна(я) лошадь!». А я люблю землю, люблю порядок! И от так вот»* (В.С. Маркова); или осмысление семьи, деревенской, большой, но в которой всем хватает места и каждый дорог (старожилы Амурского села считают правильным жить в семье): *«Я вот, приеду туда на лето, у нас семья большая была, двенадцать бабушек, двенадцать человек, семья, стол такой здоровенный! Как все усядемся, мама картошки ведёрко накатит, закатит в русску(ю) печку, она испечётся, в тазик вывалит, чашку капусты наложит, вот и вся еда!»* (А.А. Лесникова); *«Семь человек нас было. Мы с мужем, и четверо детей, и свекроука. А домик маленький!»* (М.В. Марченко); *«У свякроуки шесть лет прожила, трое детей уже было. А дети какие: писят трэтий, писят четвёртый, писят пятый! Потом у писят восьмом. Вот такие дети. А на работу каждый день надо было. Ну, свякроука, царство ей небесное, была, и хоть своих растила семь детей, а была с детьми, от»* (Н.К. Гладкова); *«У кого как... Все вместе садились, да все вместе. И не было так, что тебе тарелочка, мне тарелочка, а чашка вот, наливают и ложкой каждый накладёт и ист»* (М.В. Марченко); *«Хороший (о муже), а вот видишь, я помоложе, он постарше, и я мноуо от неуо. И он какой был у меня, был домашний, не так, как сейчас. Женился, побежал куда-то, уулять надо. Он был, я ему прожила, дай бох, писят семь лет мы прожили! Я ему не уоворила, что вот это иди делай, вот это делай, всё знал сам, что делал. И такое врэм(я) было то(г)да»* (Н.К. Гладкова).

В рассказах жителей амурских сёл разворачивается судьба человека на фоне истории огромной страны. В своей жизни все наши собеседники руководствуются определёнными нравственными целями и используют для их достижения адекватные им средства. Они знают, что не всегда и не во всех случаях могут добиться желаемого результата, который

в нравственных категориях обозначался во все времена как добро, правда, справедливость, но всей душой стремятся к этому: «Если не то, а не обижай человека, не воруй, не твори с человеком не той, шо не положено. Уважай человека, еси так. Вот это я думаю, шо» (А.А. Федирко); «Да мне кажется, кака(я) радость, мне сейчас радость как-то, что мне де... шо я сумела детей үсударству отдать неплохих! Вот моя радость, больше ничё!» (В.С. Маркова); Хорошо воспитать своих детей – это самое прекрасное желание из всех, поскольку в наследство детям мы дадим не только деньги, но гораздо более ценное – добрые качества. Это очень трудная задача, и если нам удастся это сделать, мы достойны преклонения. «Любила работать! Любила! Или (э)де какой воскресник, я всеүда первая! Но почему, не знаю! Почему-то я, от мне кажется, от я то не такэ делаю. Я встаю, нет, я хочу вперёд! И вот дети у меня такие! А почему?! Или я свою кровь им влила?! Отец у их такой был. Чё не взялся, всё сделал. Счас от дети у меня – всё-всё сами! <...> Девочки, и нынче уордимся детьми своими! Золотые у мнэ дети, золотые! Как воспитала, не знаю!» (В.С. Маркова).

В заключение необходимо отметить важную черту анализируемых рассказов-воспоминаний: частотное употребление местоимений – указательного (*это* *сполнялося*, *это* *наименовано*), личного (*оно* *так случится*), неопределённых (*что-то/что-нибудь* *случится*) – в роли подлежащего, а также использование неопределённо-личных конструкций (*раскулачивали*, *делали так*, *забирали*, *выселяли*, *отправляли* и т.д.) иллюстрируют отсутствие конкретного субъекта действия, он неизвестен или его нельзя называть, всё делается как бы **само**, поэтому в большинстве случаев человек всё-таки не может управлять течением своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: Российская академия наук, Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944с.

РАЗМЫШЕНИЯ О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ

Если у меня счастья нету, у меня така судьба...

*Федирко Анисья Андреевна, 1931г.р.,
с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.
Беседовала Галимова Д.Н., Блохинская А.В., 2011 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

– Вот говорят: «Вот, пойдн в церковь, поставь свичку, ти поможет». Если мене счастья нэту, мене така судьба, то тэ я буду каждый день ходить, свички ставлнть, и мене оно не поможнца! А если мене естэ хоть маленько, как сказатэ, судьба моя такая, шо-то да, мнн и бнз свичку. Оदन мушнна ут у нас был, с үорода, он приехал (нрзбр.) продавал, и тоже такнй мужнк прнятнй, краснвнй, ну снмпатнчнй той, и вот: «Вы в боүа вернте?» А я үоворю: «Верю. Як прнщу(чнт), так н в боүа, н в Хрнста». Я үоворю: «Досталы до Хрнста». Он, нет. «Ну а как у вас тут, – начал мене тут, – саамы это, собнраются үде-нбудэ боүу молыща?» Я үоворю: «Ннүде у нас нкто ннчё не собнрается, у нас этоүо нету». «Ну как же так? Ну вот

бы вы організовали да где-нибудь бы да женщин. В итоге будь бы...». Я говорю: «Знаешь што, дядько, мене некоуда організовывать, и некоуда мне ходить боуу молица!». На работу каждый день, день ты работал, мене писят уолоу телят. Дома хозяйству, оуород у мене дома, вот. Мне надо и оуород, и писят уолоу, каждому ведро приставить, три раза в день, вот, а як же буду я ходить боуу молица! А то мене это поможет! Мне надо на оуороде хоть бурьян вырвать, там или шо-нибудь, да или постирать, или там в доме убрать, да. Кажут: «Не, вы не правы и вот вы боуу помолица, а как вам (нрзбр.) помогае?». Я говорю: «Я у нею покамест помощи не прошю! Я ще сама не помоуаю, ну чушку зарижу, сало там при.... Я ще помощи не, а вы чёё вы той». «А вы зря вы это, я (нрзбр.), если у вас шо-нибудь не ладится, вы так вот поклади руку и скажи: «Боженька, боженька, поможи!». А я говорю: «Дядько, знаешь шо, а стыдно, если то их там, у том доме, на крыльце да кажет: «Ух мене выведет» и матом зауне. Я говорю: «Я знаете шо, я стики буду боженьку просить, если я вот этими руками, и вот этой уоловою не сделаю, не пророблю, боженька мени ничеуо не даст, а если сама вот это сделала, знаю, шо я сделала, оно мене не будет той, и хоть щас». «Да нет, вы не правы, вы это вы той, вы просите, вам... поможеть». Я говорю: «Я еуо помощи не той, не надо мне еуо помощи, ко(г)да надо будет, тоди я попрошу». А боуу молица... А потом кажу: «Дядько, а щи я щас буду вот, например, боуу молица? Ко(г)да стали в школу ходить, вот это уже, никого не збирать, пропоуанду нам у школе велы, никакоуо боуа не надо, никакоуо боуа не праздновать, наказывали за это, шо это той, у коуо иконы знают, укажут, у коуо уде есть, наказывалы, у ти уода, вот. А я в тридцать восьмом уоду пришла, нам вот эту пропоуанду велы, шо боуа нету, никоуо не той надо той. А я говорю: «Так бо як же, буду боуу? Шо я буду молица? Я «Отче наш» не знаю!». <...> Я говорю: «Не, дядько, ты мене не ууоваривай, этоуо не было́ и не будет!». Так вот я боуу, я не той. Я понимаю так боуа: будь честный, не обижай невинноуо человека, не воруй, не бэри ни у коуо ничеуо, вот. Если надо, попросы. Вот это надо: уважать человека, и не той, если вин тоби не нравица, вообще с ним не связывайся той! А боженька ничё не поможеть! Ну правильно же, той. Ну воть идуть у церковь, моляца, свечку ставять. Ну шо мне эта свичка, ну поставлю, мене не жалко! А у ти уода чи было, у мени и свичку купить не за шо было денеу. Вот эт щас пенсию стала получать той, как-то вроде в нас той, завелось это. Шо я буду свичку ставить? Шо я этоуо боуа́ буду просить? Это все, это все внушения, вот. Кому боу помох, если вот человек умерайть, если ему пришло время умереть, ничё еуо не спасе, ни врачы, ни бох, ни божия, ни свичка. Если не то, а не обижай человека, не воруй, не твори с человеком не той, шо не положено. Уважай человека, еси так. Вот это я думаю, шо. А в боуа я, у мене боуа нету. Я христы-то нико(г)да не христюсь.

– *А судьбу свою человек может изменить?*

– А бох, чёт и знат, может ли свою судьбу, а як ты свою судьбу изменишь? Ну как изменишь? Вот еси вот это наименовано, на веку тебе наименовано шо-нибудь бы, то случит-ся. Ничем не... от тоби, вот оно так и будет. Вот раньше уговорили, вот бабки вот, пупырыз-ни, вот эти то, да, вот было́ принимали ребенка, она, урит, ууадае, шо он не доживе до своё там: или утопыца или там шо-нибудь случица, вот то там. Вот, уговорят, это сполнялося, а правда или нет, вот. А так ты свою судьбу как ты изменишь? Если мне наименовано вот,

вот наименовано вже, я не той, сем(ь)десят девять, в декабре буде восем(ь)десят, прожить, да, вот. Вот, значить, проживу, а может, ещё и до ста проживу, черти знает, да. Я нэ могу еуо изменить же, да. А есть молоди, такие да, уси молоди поумиралы. Ну, как ты вот, значит, наименовано, значить, уоворят, вик короткий, человек помер. Ну, я вот так думаю...

«Ой, щас хорошо!»

*Марченко Мария Васильевна, 1928 г.р.
с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.
Беседовали Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2010 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

– *Это было в советское время?*

– Было в советское время, а вот это уже пошло. Переворот в девяностом году, уже советскую власть стали топтать, уже топтали её. И стали жить... И стали жить щас хорошо, хорошо щас. Щас уораздо лучше! Раньше, коуда наши приехали, если у него лошадка во дворе, там телеуа, может, ещё, то он кулак, его раскулачивали. А сейчас по три, по четыре машины во дворе, трактор, косилка, сажалка, всё, нормально живеть. Не работает, всё выращивает, продает, живеть. Скотину выращивает, продает, живеть <...>

– *Раскулачивали раньше?*

– Считали, это кулак боуатый, всё, забирали лошадку.

– *Он же своим трудом.*

– Ну так... че скажешь? Делали так, делали.

– *Потом забирали?*

– Забирали в общество, общественное хозяйство, общие хозяйства. В двадцать девятом колхоз начинался. С двороу короу сводили туда, в общественное. Если есть корова, веди ее туда.

– *А еще че забирали?*

– Всё забирали, шо было в хозяйстве, шобы было единое, вот так!

– *Все общее, а кто хозяин? <...>*

– Нихто. <...> Выселяли, отправляли, кто в Мауадан, кто в Сибирь куда-то там, где холодно.

– *Мне кажется, это неправильно.*

– Ну, неправильно, а хто уоворит, шо правильно было. Все понимают, шо неправильно, а делали! Были люди такие...

– *Поди люди плакали, когда коров выводили?*

– Было и плакали. В тридцать седьмом году столько позабрали у нас людей! Вы же, наверное, историю-то учите, знаете, ско(ль)ко позабрали у нас в деревне! Безвинно пострадали! Поуибли там! Уничтожили!

– *За что?*

– Находили. Вот что-нибудь сказал против, и всё, ты – вредитель! Ночью приезжали, забирали у машину, увозили и всё, и до свидания! У нас мноуо тут тоже в деревне позабрали. Да, ночью забирать, и знать не знаешь, хто и куда повез. Мноуо остались без отцов. А

в тридцать третьем году здесь был голод страшный! Ой, селами вымирали! У нас кило́метров, наверно, за девять с Николы, там Покроўка деревня. Там она почти вся деревня вымерла! У меня, у нашей семье четыре взрослых: восемнадцать лет парень умер, четырнадцать лет, двенадцать и восемь лет, с голоду, да. Мне было пять лет, но я выкарабкалась! Орешня́, орехи, знаете?

– Орешник?

– Орешник, да, рвали, кипятили и ели. Нечего было есть. Умирали с голоду по-страшному, по-страшному!

– Это зимой, да?

– Ле-етом, ле-етом, целый год страдали так. А потом, говорить, мне-то, чё помню, пять лет было, а родители говорили, шо в амбарах, складах полно было зерна! А люди умирали! Вредительство было, вредительство! Были такие люди, которые делали пакость. Щас же Украина передает, шо обвиняют Россию, шо Россия это сделала! Россия сама вся вымерла! В России у самой такое было. Вот такие дела, девчата.

– А про это, кстати, мало говорить.

– Да про это мало говорить. А в двадцать первом году, тоже уже жили наши здесь, был засушливый год, всё высушило, голод страшный был, Всё высушило, ниче не было. Вот щас передают, у нас тут в области, в Свободненском районе, вчера по телевизору показывали, что фермеры беспокоятся, что год-то пропал, одни убытки. И то(г)да также, все выгорело, ни картошки, ничего не было. А потом постепенно опять было. Кто-то у коуо-то брали и ...

– Не всех же сослали. Там же были и середняки, которые...

– А если б всех сослали? Те семьи, у коуо это шо, было лошадка, телеуа там или чё. А таких, которые бедненькие, че б их вызывали? Те жили.

– Всё равно, разрешили же что-то. Разрешили коров держать?

– Потом постепенно стали разрешать. А потом... сначала, когда стали разрешать, чтоб одна корова была только! А щас по пять, по шесть короу держать! Молодняка, штук по шесть. А то(г)да одна корова, не больше, если две, уже заберут. Да, начинали жить когда... Молодняка не было шоб корова! Телок родился, сдай его в колхоз!

– Телок – это бычок?

– Ну, бычок, это ж телок, телочка, бычок.

– А овцы, например?

– И овцы держали, и чушек держали. Всё держали, всё-всё, всё было.

– Ну, разрешали оставить хоть чушку?

– Ну, чушка, одна чушка шоб была, да.

– А семьи-то большие...

– Ну а чё... И сейчас чушек режут. И осмалили. Шкура остается. На сале, вы сало, наверно, покупаете, знаете? А раньше было: шкуру надо снять и сдать! Вот так.

– А на что она шла эта шкура?

– А черт знает! Я нэ знаю, чё, они шили с неё, че-то делали. Обувь, может быть, или че. Шкуру обязательно надо сдать. И говядину, если режешь бычка там, корову, обязательно. Овечку держишь – шерсть сдай! Корову держишь – молоко сдай! Четыреста литроу.

- Ну за это что-то давали хоть?
- А давали! Ничё не давали! Постаўка, как налох, вот обязательно, так и ты, сдай обязательно! Картошку сдавали, моркоў сдавали, всё сдавали! Ниче мы нэ получали за это.
- А если не сдавали – наказывали?
- Ну, если нету, они же описи проходят. В этом году не сдал, на будущий год за два года сдавай, да!
- Ой, мне кажется, щас лучше жить...
- Ой, щас хорошо! Жили мы, в чём мы ходили?! Щас посмотришь, нэ работают, пьют по-страшному – одетые-обутые! Все с телефонами ходят, все в золоте! Умеют люди жить! А мы не умели, про́ жили жисть!
- А чё носили, в чем ходили?
- А так, в лохмотьях и ходили. Де... повезешь на базар. Заработали там за трудовни, а на трудовень, шо там, если десять копеек дадут ну, зерна там дадут, возять на мельницу мельть муку, аҫа. Муку повезёшь, наморозишь молоко, үолубицы нарвешь, лето дети ходють, нарвуть, везешь на базар. Продашь там, сторүүешь, вот и покупаешь там кое-какие лохмотки ,шо-нибудь одеть-обуть. <...>

О семье и быте

*Марченко Мария Васильевна, 1928 г.р.
с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.
Беседовали Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2010 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

- Семья большая была у родителей? Вас сколько детей было?
- О мноҫо, нас было мноҫо, а потом в тридцать третьем у нас же сразу четверо умерло. У мамы было двенадцать детей. Некоторые маленькие, потом в тридцать третьем сразу четверо умерло. Нас осталось трое. (*нрзбр.*) Тада дети умирали, корь, скорлатина какая-то болезнь была. А щас чё-то я не слышала, чтоб такой болезни, а то(г)да была, умирали, аҫа. Дом у нас был. Ой, ско(ль)ко мы домов меняли то(г)да! То(г)да приехали домов, квартиры своей нет, где какой пустой, мы жили сразу аж там... А потом сюда нас пэрэселили. Тут я уже отсюда и ушла. Я сама жила, ну я везде жила. Жила там дальше. Знаете, там у нас какой, пять на шесть домик. Нас было семь человек и жили! И знаете, ещё и квартирантов держали! Приведут ещё: «Пусть поживут люди у вас!». Ну, пусть поживет. И принимали, и как-то дружно! А сейчас, мы двое, сказали б нам квартирантов, мы б не взяли. Щас мы разбаловались, куда нам? Нам ныкто нэ нужен, мы сами себе нэ нужны! И вообще в деревне... и не то(ль)ко в деревне, и в үороде также, никто ни в ком не нуждается, каждый сам себе! А раньше было в деревне много! То у того на квартире, то у другого... <...>
- А в доме говорите большая семья?
- Семь человек нас было. Мы с мужем, и четверо детей, и свекроўка. А домик маленький!
- А как размещались?
- А так и размещались.

- Ну где спали? На чём спали?
- На койках спали. Дети, например, втроем на одной койке. Баба, была свекроўка, так всегда с кем-то из детей спала. Ну, а мы с дедом на печке. Так и спали и ничё жили.<...>
- А вещи в чем хранили?
- В скрнях, это ящики с запада родители попривозили, а потом чемоданы стали покупать.
- А внутри что?
- Лохмотья чё, всякие наши, аҫа, и крышка закрывается, всё.
- Типа сундука?
- Да сундук, сундук, аҫа. Ну скринья, называли скринья. Ещё были железом оббиты, обделаны так хорошо, всякие, потом муку стали сыпать в эти скренья.
- Ну они деревянные?
- Деревянные, аҫа.
- В доме сколько комнат было?
- У нас сейчас трёхкомнатная, а там у нас одна комната, переуорожена.
- Заходишь, печь русская?
- Заходишь, русской печи не было уже, уже коуда шестидесятые года, в этот дом пришли. Вперёд был дом у нас, пятистенный назывался. <...>
- А ели как? Стол?
- Стол большой. Вот дом, внутри дома под одной стенкой такой шириной лава, называли лава, лава, аҫа. И в той половине тоже так подо стенкой и так, широкие, шире, чем то доска, такие, ну, скамейка, а она называлась лава.
- Сантиметров ше(стьде)сят?
- Да-да-да! И тут садились тоже, делали такие табуретки.
- А лавка на чем была?
- На ножках, на ножках.
- Был какой-нибудь ритуал есть? Вместе или по-разному?
- У кого как... Все вместе садились, да все вместе. И не было так, что тебе тарелочка, мне тарелочка, а чашка вот, наливают и ложкой каждый накладёт и ист.
- Первым отец начинал есть?
- Да отец уже в наше... это вперед, там разбирали ещё отец там... А уже мы ко(г)да стали жить, так отец уже на работу уйдёт,ко(г)да дети встают есть.

«По переселению приехали мы»

*Гладкова Надежда Кузьмична, 1931 г.р г.р.
с. Коршуновка Михайловского р-на Амурской обл.,
Беседовали Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2013 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

- Я прыехала девчонкой есчё, двадцать один год мне был. Тут замуж вышла, детей нарожала (*смеётся*), четверо. Щас четверо дочерэй у меня, семь унуков, сем праунуков, от так.

– С родителями вы приехали?

– С родителями. С мамой приехали, и два брата было у меня. Один был с двадцать седьмого года, второй из сорок третьего. По переселению приехали мы. То(г)да переселяли, то так, туда. Описывали, такие бумажки красивые рисовали, какие дома тут хорошие! А мы приехали, дома от такие старые все, что люди поубежали, их пооставляли. Ну, а ехали не с добра, девчата. То(г)да так уже, я (во)рю, крестьянина давать (в)сю жиз(н)ь! Прыдавили... у нас же там были сады хорошие! По полуктара огорода. А у нас, как закон был, писят соток. И от до того налогами уже этими облаживали, что значит, и за землю плоти, и посчитай, сколь у тебя кустов там уруш, яблоней, слив, вишен, и за это за всё плати! А оно год уродило, год не уродило! И уродит, дак мы от огорода жили далеко, тридцать километ-ров. А на себе не понесёшь и не продашь! Если уродит, оно никому не надо, только броса-лись яблоками этими. Возле дома иураем в ночь (*смеётся*), уже взрослые ж были. Мать утром устанет, полный двор набросают ребята яблук. Она (о)врит: «Ну гуды, хоть бы не портили!». Они попробуют – нехорошие, и бросили! А сюда прые-ехали... Ну, ехали за что, тут уже как было: освобождали десять лет от налога. И этих людей, что тут жили, и нас. Ну прожили счас, слава боуу, прожили. Мужик хороший мне попался, муж жил. Пять лет было, как похоронила. От боуа был!

– А приехали сюда, Вам здесь помощь какую-нибудь давали?

– Ну, ко(г)да ехали мы, я вот забыла, сколь уже нам на иж(д)ивенца дали, на улаву се-мьи, на нас, на иж(д)ивенцев, по сколь, я забыла. А сюда прыехали, нам то, забыла сколь, муки маленько дали и картошки на семена. А так, ничё не давали.

– А скотину не давали?

– Не, скотину не давали, скотину, мы сразу там корову свою продали и тут прыехали. Такое можно было, что, значить, там сдай, а здесь корову б тебе дали. Ну, люди, уперёд что были, и так уоворили, вы, уоворят, туда не везите своих коров, вы там продуктивность с них такую не возьмёте. Потому што у нас там у зямле была и соль, и йод! А тут этоуо ничё нету. И трава совсем не така. У нас была: луги заливные, там сено, как будто вот такое... Корове положишь, она всё съест! Не так, как здесь: травы мноуо, а она стоит и перебирает, что ей йисть, что не йисть. Но, прауда, тут был коммунизм, как мы прыехали. Вот на дворе, что де-лал ты, бросай, не замыкалось, не запиралось, никто не воровал, никто ничё не брал! И с по-ля так же! На зерновом работали, у обутки насыпется тама, шо пшеницы, сел, вытряхнул и пошёл домой. А сейчас...

– А люди откуда знали, что здесь не так? Возвращались, что ли, туда?

– Усякие были. Которые и пораз... у нас восемь семей сюда приехало, и нас осталось, наверное, только четыре. Те поубежали. Кто назад уехал, кто куда. А мы остались. Потому что мы там работали, и работы не боялись. А тут некоторые, было, слеука и там работали, дак им страшно тут показалось. Я сразу попала на... на прыцеп, на трактор. Муж мой пахал с одним, с напарником. Трактор был, и вот мы менялися день – ночь, ко(г)да, день, ночь. А потом уже, десять лет отбыла на свинарнику, на телятнику, и стажу рабочего от счас сорок четыре года. Четверо детей. А счас, не хотять работать.

– А почему всё-таки из Брянской области сюда поехали?

– На трудовни ничё не давали. Работать работали, а получать ничё не получали! И потом пошло, вот это, уворю это, эта щас перестройка, что у нас было соединение. Там у нас был посёлок, пя(тьде)сят двороу, свой колхоз был, сельсовет был рядом, друуая там деревня. И де было даже двадцать двороу, и так колхозы отдельные были, и от мы так были, на трудовень, там я уже забыла, то ли по полтора килоурамма начислили дать. А узяли, соединили с друуой деревней, а там люди похитрее какие-то были. Было, спрауки никуда не возьмёшь, мы без паспортоу жили, паспортоу у нас не было. Никуда не выедешь, кроме, если люди вербовалися, то(г)да только, а так никуда. А там какие-то, их ещё звали так «прокуроры писаревские» (*смеётся*). Они как-то сумели: молодёжь (в) уоруду (в)ся, а старики дома. И у них поля заросли травой. И вот нас соединили с тым колхозом. И сразу от нас (в)сё забрали. Нам на трудовень, простите, во (*показывает*) дали! И стали люди разъезжаться кто куда. Лучшую жизнь искали. Ну вербовали, вербовщики приезжали аутитировать, рассказывали, ну ничё... Сюда мы прыехали тоже, у них в пиисят первом уоду тут сильно наводнение было. У них, у самих, тут ни хлеба, ничёго. А в пиисят втором уже получили хорошо, на трудовень по четыре килоурамма зерна, пшеницы. И остались жить.

– А приехали, дом дали или как?

– Ну, дома вот такие давали, вот. Люди, которые повыехали, кто в Райчиху, кто уехал, кто... Ну, они, наверно, продавали колхозу, оставляли. И нас... И мы месяц жили, туда... дома того сейчас и нету. Три семьи аж вместе жили! А потом уже нам так дали, кому уде.

– Это тот дом или это другой?

– Нет, нет. Не тот дом. Мы потом уже жили, до пиисят седьмоуо уода. Я вышла замуж сразу, в пиисят втором уоду. Прыехали в апреле, замуж вышла в июле, и жили здесь.

– Быстро как!

– Быстро (*смеётся*)! У свякроуки шесть лет прожила, трое детей уже было. А дети какие: пиисят трэтий, пиисят четвёртый, пиисят пятый! Потом у пиисят восьмом. Вот такие дети. А на работу каждый день надо было. Ну, свякроука, царство ей небесное, была, и хоть своих растила семь детей, а была с детьми, от.

– Хорошая была свекровь?!

– Хорошая, царство ей небесное!

«Так что мы брянские обои были»

*Гладкова Надежда Кузьмична, 1931 г.р г.р.
с. Коршуновка Михайловского р-на Амурской обл.,
Беседовала Е.А. Оглезнева, Галимова Д.Н., 2013 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

– Так Вы мужа давно знали?

– Нет, откуда б я узнала там мужа. Мужа... мой, мы на десять лет, у нас разница была. Он на десять лет мне старше. Он воевал. Еуо в армию как забрали в сороковом, вот. И он только прыщёу с войны в сорок седьмом. И вот он не женился, и я смеялася. Ему уворю: «А чё ж ты не заехал, ко(г)да с войны шёл?! (*смеётся*) Не женился?!» Прышёл беднота! Отец еуо на хронте был, брат старший на хронте был, и он. А дома ишто было: Володя, Уошка,

Толька и Ёенка – четверо. И они, вот, мать меньших этих водила здесь уже в войну в садик. Дак ишто при мене, я уже замужем была за своим мужем тры года (нрзбр.) долуй, что дети там наели. Уот. А шас, за что, ү(ово)рили, было жениться, надо было отработывать. Вот.

– *Как Вы так быстро за него замуж вышли?*

– А мы работали сразу вместе с ним (*смеётся*).

– *Сработались?*

– Сработались.

– *Это у Вас любовь с первого взгляда была?*

– Да, любовь с первого взгляда. Летом (нрзбр.) нас, женщины привезли, раньше привезли нас, туда, на поле был дом, и нас привезли, на прыцеп, на этот, трактор. Трактор был, сцепка, на сцепке был плуг. То на одном надо сцеп (нрзбр), то на друуом. А мужики сидят все, (нрзбр.) холодно. Да, а вот то, парень у нас сидит. Ну чё, между трактористов, така ж ма-зана хфуфайка, таки кирзовые сапоуи то(г)да, как обычно. Ну шчё, посмеались. Я ему: «Ой, жених, какой-то старык сидит!» (*смеётся*). Ну, вот так. Всё, свякроука... Семья была хоро-шая!

– *Как звали мужа?*

– Иван.

– *Иван?*

– Иван, Иван, Иван Васильевич.

– *Чем он Вам понравился?*

– Хороший, а вот видишь, я помоложе, он постарше, и я мноуо от неуо. И он какой был у меня, был домашний, не так, как сейчас. Женился, побежал куда-то, үулять надо. Он был, я ему прожила, дай бох, пиисят семь лет мы прожили! Я ему не үоворила, что вот это иди делай, вот это делай, всё знал сам, что делал. И такое врэмя было то(г)да. Он или это, значить, пашет, всё, ну, как обычно, в колхозе работа. А на зиму у Поярково ездили ремон-тировать трактора, то(г)да не было у нас тут мастерской. И вот тока была, уже мы отошли от свякроуки, в пиисят седьмом үоду дом здесь купили, перевезли, он на том краю построили. И он как: две недели домой не возили, две недели – домой. Первое время как приезжае(т), всех проверяе(т). У меня валенки, у детей, кому что подшить, нить, кому что наладить. (В)сё! Не матярыуся, не пиу и не курыл, вот. Мой муж говорил, хоть я не прогадала, што вышла за не-го.

– *А муж родился в этом селе?*

– И он не родился. Еуо привезли тоже с нашей области, ему было восем(ь) лет, ко(г)да, то(г)да приехали. Приехали, он... в двадцать девятом үоду, сюда же, да, по переселе-нию, но он рассказывал: «Мы ехали...». Мы ехали месяц! Нас на товарняках везли, у теля-чих вауонах! А они ещё больше! Вот сюда, үо(во)рят, как к Байкалу подъезжаешь, счас же друуая дороуа. Ко(г)да мы до Байкала доехали, це-елу(ю) ночь ехали по туннелям. Счас до-рога что, только у нас, сюда на выход туннель, и на вход. А то была, что тали(?) мноуо. И вот, с вечера как заехали, к утру только у Слюдянку уехали, на станцию. И вот они приехали, приехали, и они үде-то тут жили, через речку, Кондинка была, счас её и нету там.

– *Как называлось село?*

– Была Кондинка, какая-то тут, но тут сейчас ничё нету. За рэчкой. Там их, што-то остановили. А потом оны сюда. Да үрю, никто тут ж не пускал нас, переселенцы, и никто, не надо нам (нрзбр.) блаүодарили (?). Но потом, и я этих людей уже знаю, пустили, үговорит, пожить. Ну, и они как-то уже хаты покупали, или как. Остались здесь жить. Их приехало два брата с семьями. Из них было, значить, трое, они сюда ехали. И четвёртыё шчё у матери у ваүоне родился, брат еүо. Так что мы брянские обои были. <...>

«Хоть пнём по сове, хоть совой об пень, (в)сё равно сове больно!»

*Гладкова Надежда Кузьмична, 1931 г.р г.р.
с. Коршуновка Михайловского р-на Амурской обл.,
Беседовали Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2013 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

– Спасибо Сталину үрузину, что обул нас у рязину! Усе ж ходили у рязиновых, таких вот, бурки были, такие, как пухвайка.

– *Сталинское время тоже же тяжёлое было.*

– А чё ж, лёукое, налоүи задушили так! Налү на корову, и на барана, налоги на свиной, налох свин(ь)ю или кабана, если кто там зарэзал, шкуру эту обдеры, да сдай. Брынзу какую-то, носи молоком, налоү, потом ещё, значить, это, заём как пошёл этот, занимали (в)сё, когда только отдавать будут. И вот, как оүороды пахать, так заём. Тебе сказали, вот двести пиисят, или триста, хоть сдохни, подпишись! үолосом үолосили женщины! А ходили всё там тебе про праздник, одно ситцевое платюшко, и всё! И то поүговорка такая была, свадьба у коүо, она үворе: «Марья, ты на свадьбу пойдёшь к родственникам?» Она үоре: «А как соседи пустят!». А как соседи... если кто даст кохточку да юбочку одеть. А так не у чем идти. Вот так жили.

– *А если не сдашь вот эти двести пятьдесят рублей? Облигации же покупали?*

– Ну, давали облиүации. Не было – вынудять! Будут каждый день ходить, только подпиши, вот.

– *Говорят, на бездетность даже был налог?*

– Ну, а как же, был. Счас, наверное, опять поүоваривают, что будеть. На ребят и на девчат был. Хоть женатый, а если детей нету, всё, плати. Что только не выдумывали. Как үворять, хоть пнём по сове, хоть совой об пень, (в)сё равно сове больно!

– *Как, как говорят?*

– Хоть пнём по сове, хоть совой об пень, (в)сё равно сове больно!

– *Да, так подумаешь, что народ наш пережил...*

– Что пережил...

– *За тот век.*

– Да. Им, бедным, не спать неко(г)да было, а ели что, үосподи боже мой! Картошка, у нас хоть там картошка родила, она нас на свет выводила. И у хлебе картошка, и целая картошка, и, үворят, цела и толчённая, и так кусками, (в)сё картошка! У мене вот эта рука ни коүда не заживала от тёрки, тёрли всё картошку эту. Не былО ж ни муки, ничего, вот у нас, крахмал этот, из крахмала и лапшу варыли, и кисель крахмальный варыли. И так вот её, кар-

тошки наварять, в ступу, потолкуть, и туда ещё крахмала потом, такими оладушками в печку, оны чуть подпеклись, и всё картошка, крууом картошка. А лапшу вот ту, вы не умеете крахмальну(ю) лапшу...

– *А с картошки чё делали? Драники?*

– Драники, это со всем делаешь, натёр и... А это ж надо крахмалу наделать! У мене счас ещё еуо вот так вот. И от его значить, крахмал на молоке разводишь, и яичек туда набьёшь, и пекёшь блины, блинчики, а потом их фаршируешь с твороуом.

– *Из крахмала?*

– С крахмала.

– *Не хрустит?*

– А чё б он хрустел, ты ж еуо на молоке разводишь, как такие блины. Сперва яиц туда набьёшь, яйца поразобьёшь, крахмала туда, потом молочка, всё это подсолил. И потом лапшу эту рэжишь, молоко закипело, лапша уотова. Так.

– *А блюдо это как называлось?*

– Как, ну, лапша крахмальная. И бабку варыли, называли «бабка», тоже картошки насвы... в чууунок её, заправили там чё-нибудь и в русскую печку.

– *Бабка – это что?*

– Ну да, тоже натёртая картошка, то(ль)ко у печь, она там до обеда уже стоит.

– *Натёрли картошку. Положили куда?*

– В чууунок или... Обычно в чууунок, в уоршку она там може прыуорэть. В чууунок.

– *А ещё что туда, в этот чууунок?*

– А если нету сала, не разжарять, если есть мало, то, ко(г)да достанут, масла ложечку положили, размешали, а некоторые ели, ничё не было, дак, корову же держали, и вот, значить, молоко наливает и едят.

«Мы были как бедняками, так и помрём бедняками!»

Ратушкина Пелагея Петровна, 1932 г.р.,

с. Новоивановка Свободненского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Лагута Н.В., Безнигаева М., 2009 г.

Обработала Лагута Н.В., 2016 г.

– *Пелагея Петровна, вот вы прожили долгую жизнь. Когда на Руси жить хорошо?*

– Всегда хорошо! Хорошо нам, нам беднякам никогда хорошо нету! Кто маленьке побогатее, он так и побогатее и остаётся! И остаётся, и остаётся... Мы были как бедняками, так и помрём бедняками!

– *А почему мы бедняки? Мы же вроде работаем.*

– И работаем, а вот всё равно у нас нету... работаем, конечно, уже мы работаем, если мы работаем, уже мы уолодными не бываем. Вот война была, и после войны, и всё равно мы уолодными не были. И вроде как семья небольшая была, сам работал, и я работала всё время. Он всё время на пасеке, пчеловодом был, он тоже так и помёр пчеловодом. И мы двое, у нас был один пацан, первая девочка у нас померла, пацан ишо народился. У меня редкие ещё дети, у меня в сороковом дочка умерла, ну она и мало пожила. Потом в сорок восьмом ро-

дился сын, а уже после сына, в шийсят первом родилась дочке, вот это вот. И то мы всё время, не откладая рук... У нас и своя скотина всё время была. Ну и в совхозах не давали ни денех, ни чё, там палочки писали, а ничо же не зарабатывали. Трудодни эти начёркает, вот за эти трудодни мы работали. Если своо не держать, опять и копеечки не увидишь, то какую корову где-то вырастишь, продашь её, вот и денежки. Хоть платок купишь какой-нибудь, шкурку, прикроешь себе какую, платок купишь, или юбку, или платье пошьёшь. А там уже... Чё ж? Мы работали, дак вот, вроде не боуатые и не бедные были. И скотина была своя, и мяса была своя, и молоко своё было, и яички свои были, и хлеб был. Хлеб не давали, корову сдашь, корову купишь.

– *В советское время хуже жилось чем сейчас?*

– Лучше! Там пожалиться есть кому было, а щас пожалиться некому. Всё щас как-то, как-то себе, работа работють, он скока хочеть, стока плотить. Хоть щас у нас тут курятник, курятник тута, так они, скока они не работай, хорошо или плохо, они ня знают вот дали им триста пятьдесят рублей денех, ну, там не триста рублей денех, а тыщ, наверно, может, и ня так, и больше всё, а надо... Мы уже работали, хоть на курятниках, хоть на коровниках, мы работали. На курятниках мы с яйцом работали, кто сколько яиц наберёт, наберёшь ты больше, ты и зарплата больше. Наберёшь ты мало, у тебя и зарплата маленькия. А щас всех под одну: кто хорошо работаить, кто плохо, хто с совестью, а кто без совести. Вот мы вот, если работали тут с одной, нам говорить» «Зина, ето, на выходной подмену дадим». А как подмена? Подмена придёт, она что? Где поить, где не поить, где кормит, где ня кормит, а яйцо-то скатилось в етот день, а потом оно подымается недели две-три, подымается тока ето яйцо. А если её нормально кормишь, и кормишь, и поишь, она всё время яйцо даёт нормально, а ето враз упадётся на низ, и всё! «Почему у вас яичко упало?» – «Не знаю, почему у нас так, и корм один, и всё».

– *Меньше стало.*

– Да, меньше. Да, везде, везде так. А щас видишь, она ... вы не работаете. Вы то, сё... А не работает хорошо, он им ничеуо не даёт, и работай хорошо, всё равно одни деньуи, те же самые. Никакой нету, чтоб зависть тебя брала, чтоб сделать хорошо, чтоб у мене яйцо, стока мноуо, вот! Если я хожу, работаю хорошо, на совесть, и яйца больше! Так и в колхозах: друуая пойдёт хоть и полоть, щас и дома полють, друуая полеть на совесть, она и отстаёт, а всё равно свою үрядку, она на совесть идёт, тама трава, тама трава, она её старается. А та тятками тят-тят-тят, и пошла, а сзади трава-то стоять! Да вот уже война, что үолодная была такая, а люди какие-то весёлые были! И үолодные, совсем же үолодные, идут на работу и песни поють, идут с работы и опять поють! А тада какие дружные были все.

– *Ну все так говорят вообще.*

– Ну кто ты, чё ты маленьке слышал, дак нет, и пришлось. Вот щас собери всю деревню в одну кучу, на үулянку, перережуться. А то(г)да, если вот собирають, все в одну кучкю собираются. У нас была, вон тама вот сельсовет, ну такое помещение, все, то в школе, то в школе мы все собирались, на сядьмое, или вот, на Троицу. Такие, сядьмое, на сядьмое вон всё время үулянка была, вот туды в эту школу, и үуляли все. По домах никто не үулял.

«...и лучше было, и порядок был...»

*Репешко Лидия Николаевна, 1918 г.р.
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.,
Беседовали Оглезнева Е.А., Архипова Н.Г., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

– Родилась в деревне Украинке Серышевского района. Мой отец погиб на фронте, нас остались трое у мамы. Мать с Киева, отец с Молдавы. Хозяйство всё своё, мать сама сено косила. Раньше у нас люди дружные были ў тех годах. Во время войны день и ночь работали в колхозе. Мужиков же не было, все на фронте. Работали на трудодни. Война было ґоре, большое ґоре, но работали. Были и голод, и холод, всяк було, но день и ночь работали. После войны была и радость и ґоре. Кто пришёл, кто нет. Было собрание, выступали хронтовики наши. Говорили: «Не обижайтесь, это война». Но жили же. Хозяйство держали, купили муки, полухами с колхоза давали. Да и в войну колхоз не обижал. Самы пахали. Нам по четырнадцатому году было с сестрой, мы боронили, помоуали.

– Революция началась, стало лучше, чем при царе. Сразу не колхоз был, а совхоз. То же сеяли, убирали. Люди шли с радостью, никого не заставляли. Соединяли, у кого коровка, у кого чушка, конь. В колхозе раньше лучше было, чем сейчас. Было, правда, доносительство, сначала боялись, лишнего слова не скажешь, а потом перестали бояться. Боялись люди, и лучше было, и порядок был. И не убивали люди, и скотину чужую не воровали, песни пели, хорошо было. А цицясь... В клубе выступала, то(г)да ж молодая была. На покос и с покоса едем, поём. Все померли, кто жили ў войну. Сердце болить у меня шибко. Два мужика у меня было, а цицясь... первого похоронила, от второго дочка, тут ещё и сыны есть. И правнуки, и внуки. Жила я в своём доме. Дети ездить с города, проведают, на зиму забирают.

«Я был передовой механизатор»

*Номоконов Виктор Афанасьевич, 1928 г.р.
Ольга Викторовна Номоконова, 1954 г.р., дочь В.А.
с. Чесноково Михайловского р-на Амурской обл.,
Беседовали Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2013 г.
Обработала Лагута Н.В., 2016 г.*

– *В школу ходили?*

О.В.: – Угу. Семилетка была, или начальная?

В.А.: – Не, ну мы-то в начальной.

О.В.: – Ну, начальная. А вообще, школа здесь была семилетка или только начальная?

В.А.: – Нет. Семилетка, это уже где стало.

О.В.: – Потом уже, позже. Когда мама работала.

– *А вы семь классов закончили или только начальную школу?*

О.В.: – Сначала...

В.А.: – Я кончил четыре класса, сперва начальную школу. Потом, шиисят третий, шиисят четвёртый год, в вечернюю школу пошел.

О.В.: – Потом уже, вот женатый был, мы уже в школе учились, он поступил в вечернюю школу. С пятого.

В.А.: – В вечернюю школу. Закончил десять классов.

О.В.: – И в техникум поступил.

В.А.: – Поступил в техникум.

О.В.: – Сельхоз. Заочно, заочно.

В.А.: – Сельхозтехникум.

Е.А.: – *Благовещенский, да?*

О.В.: – Угу.

– *А работали в колхозе?*

О.В.: – Ну сначала...

В.А.: – Раньше энтээс было, Машинно-тракторная станция. Как сейчас это зовется.

О.В.: – В Поярково, да.

В.А.: – А так в колхозе жили-то здесь. А на ремонте, в энтээс. А так работали-то здесь.

– *На каких работах? Какие работы?*

В.А.: – Тракторист, тракторист.

О.В.: – Тракторист. Потом механиком, да?

В.А.: – Потом механиком. Механиком отработал двадцать пять лет и пошел на пенсию.

– *А женились в каком году?*

В.А.: – На первое мая, пятьдесят второй год.

– *Жена у вас кто? Расскажите. Как её звали?*

В.А.: – Оне... Жена как... Она воронежская.

– *А как вы с ней познакомились?*

В.А.: – В Воронеже, Воронежской области, город Павловский, на Дону. Вот она кончила педучилище, педучилище. И это училище полностью отправили в Амурскую область.

– *Весь курс?*

В.А.: – Прямо весь курс, весь курс, в Амурскую область.

– *Это какой год был?*

В.А.: – Пятьдесят первый. В пятьдесят первом году. Весь курс их отправили в Амурскую область. И вот она попала туды, в Чесноково. До Благовещенска, и в Благовещенск. А в Благовещенск – по районам. В наш район попало их человек десять, наверное. И к нам, к нам в деревню, тогда учителей не хватало. И вот мы с ней познакомились. Я был передовой механизатор. В пятьдесят четвёртом году от энтээса был передовой. Был удостоен, два раза, на всесоюзну(ю) выставку. В Москву. В пятьдесят четвёртом году ездил в Москву.

– *Ну это уже женатый же?*

О.В.: – Да-да-да.

В.А.: – Я женат.

О.В.: – Мы как раз в этот год родились.

«Как я моула, как меня родители воспитали...»

Маркова Вера Степановна, 1923 г.р.,
п. Поярково Михайловского р-на Амурской обл.,
Беседовали Лагута Н.В., Старыгина Г.М., 2013 г.
Обработала Н.В. Лагута, 2016 г.

– Так. Мы приехали, я б... мы... родители мои, приехали мы с Коршуновки. В тридцать девятом году, двадцать пятого марта. И уот до сих пор так, поколен(и)я моего счас... Пятеро детей, пятнадцать внуков, восемнадцать правнуков! (*смеётся*) Бабка (нрзбр.)!

– *Богатая!*

– Богатая! За... девочки, и нынче гордимся детьми своими! Золотые у мнэ дети, золотые! Как воспитала, не знаю! И вот пре... председатель сельсовета наш, и управ... эт(о) само, района этого... Как я моула так их воспитать без отца?! Четыре сына и одна у меня дочка. Все урамотны, все выучились, и счас и дети теперь, счас у меня сын, даже федеральный судья у меня есть! Предпоследний сын. Вот фотоурафия (*показывает*). Учились в Блауовещенске, все у меня (в)учились. Ну, как вам сказать... В тридцать девятом году мы приехали сюда. Я, родители у меня... мама не работала, так просто, портняжила, людям шила. А отец бондарем был, бочки здесь делал. Здесь Поярка золотая была! Зо-ло-тая! Считалось, поуранполоса! Доставка всяких товаров была, отлично! До, до войны... Правда, мауазинчик один только в центре ж был! А Поярково была, четвертая часть только была! Это ж моя доченька строила! Тоже в Блауовещенске училась. Вот, ну чё... Вышла я замуж (в) сороковом году. Это мне муж уже второй. Первый муж четырнадцатого октября дембилизовався, сорокового года. А война в сорок первом началась, он, одиннадцать месяцев с ним пожила и проводила его на фронт. Первые дни – повестка. В сорок пятом году я вышла (*о втором браке*)... осталася беременная. У меня был сын, счас семьдесят два года. От рядом здесь живет, счас от. Вышла в сорок пятом году я за второуо. Война кончилася, здесь стояла... восьмой стрелковый полк. Я там работ(ыва)ла официанткой, в офицерс... в офицерской столовой. Обслуживала уенералоу, адмиралоу (*смеётся*)... Ну, вот так! А ко(г)да война-то началася, я родила в сорок первом году, декабре месяце. Ребенка надо было кормить, а это бы(ла) воинска(я) часть, так она и была до сорок шестого года. Остальные у Китае были уже, война ж была. Я перешла на вы... на подсобно(е) хозяйство этого же полка. Там и свинарка была, и дояркой была. В зимнее время и дрова с острова возила, и лошадей запряуала, и строуаны строуала (?), всё, девочки, делала, всё! Перешла сюда на подсобные, же ребёнку урудью кормила. Ой, как вспомнишь, как-то аж нехорошо. Так уот и прожила. Война кончилася, (в) сорок пятом году их, это, он был увардейцем, на «катюшах» он служил. Вот, (з)десь законный был уже, штатный, (в)осьмой стрелковый полк, здесь стоял двести четырнадцатый полк, и от муж, увардейский полк прошёл с Китая, тут был. ну как-то через месяц их (де)мобилиз(о)вали. Их осталось пять человек, кто познакомился с девочками, тут остались. И мой остался. Ну и, жён(ы) офицеровы посоветовали капитану, мол, от тут женщина хорошая есть, так и так. У ней пацан был, третий уодик. А мой муж у него был адьютантом (*смеётся*). Ну и присмотрел. Ну и когда посмотрела, мама уоворить: «О-о-о, це, каже, вин старый, дурак, це вин тэбэ обманэ!». Она ж украинка, мама была. Мама с Украины. (В) десятом году

они приехали с Днепропетровска. А этот, видно, присмотрел. Ну и, дня через три приходит. А у меня маунитофон был, или как. Раньше каки вот эти, де музыки, ну, поломанный... Да чё-то сговорились, он пришёл, как-будто наладить. Ну, наладил он всё. Дня три через пришёл с дружкой своим, начали свататься. Я так посмотрела, посмотрела... А как обидно, девочки! Война кончилась, жёны встречаются, а я одна! До войны одна маталася, как... с ребёнком... Ну, правда, родители были. Пришёл сватать, я говорю: «(У) мне ещё родители, как кажут, надо посоветоваться!». Ко(г)да приходят через второй день, с дружкой. Ну я подумала, подумала, ну чё я буду капризничать. И маме он понравился, и отцу понравился, и мне чё-то так, так-то вот, хорошо было (*смеётся*). И вот, прожили мы, на двадцать пятом году, (*вздыхает*) похоронила, не серебряна свадьба, а похороны. Два фронта прошёл: западный, и вот... и вот, считай, восточный. Был контужен, был раненный. Работал на всех. Куда посылали, всё работал. Заключил он договор, тогда указ был, то(г)да заставляли силком строиться! Хочь не хочь, вот вам, топора не держал в руках, а построил, шиисят лет стоит! Вот так. Печку, правда, мама... а припоследню(ю) печку научился делать. От так и прожылы. А тут, видишь, на двадцать пятом году он умер, шел-шел, упал и готово, сердечна(я) недостаточность. Был ранен, контуженный был. Вот так. И оставил меня с пятерыми детьми. Копейки за душой не было! А я (е)щё, дети ж маленьки были. А на работу он меня не пускал. На хрен мне твоя работа нужна, мне дети дороже! Садика то(г)да не было у нас, садик был только райкомовским. И столова(я) закрыта была, и садик. А нам нет! И вот так осталася. А я только пошла на работу. Всё-таки не послушала я его, так и он умер, мы не помирились. Ну и до каких же пор, дети уже взрослые, счас уже можно теперь... Хозяйство всю жизнь держала три – сорок... с сорокового по восьмидесятый скотину держала. Без мужа шестнадцать телят сдала государству. Картошки сдавала без него по три тонны каждый год! От такая усадьба, от счас посмотрите, (в)сё обработала сама, и от счас, счас обрабаты(ва)ю сама. Сама всё! От сын меня забирает, а я не хочу! От я спокойненько, тихо... тяжело. Уже и плохо видеть стала, и руки млеют совсем. От видите какая такая... (*показывает*). Как мне женщина говорит: «Изработанна(я) лошадь!». А я люблю землю, люблю порядок! И от так вот. Он заключил договор, был. Как оседающий на Дальнем Востоке. И от государство, значить, не построил(о), а даёт... А то(г)да на линии, линия была завалена лесом, специально комплекты для стройки. От комплект привезли, от эти брёвна, всё, всё, что надо для дома. Вот это мы получили. И пятнадцать тысяч стоил дом. Восемь мы платили, маленько пёня, что ли была, а пол(ов)ина государство. И вот так вот оставил он меня в этом доме / и вот теперь живу я уже пиисят... сорок четыре года, как похоронила, да четырнадцать лет он болел. Я еу почти не видала, то в Благовещенске, то дома. А тут уже, вот, сама. Счас детей, дети все... дочка кончила техникум коммунально-строительный у Благовещенске, работала и инженером, и прорабом двадцать лет. От я говорю, половину Пояркова построила. Сын был мастер электрических сетей, Александр, тоже скоропостижно умер. Еще (нрзбр.) от одиннадцатый год. И жена, от, семь лет тому назад тоже умерла еу. Остался дом пустой. Домá, у этого сына дом, и у меньшего сына ... дочка себе приватизировала. Тот федеральный судья в Ек(ате)ринбурге, раньше Свердловск был, там тоже дома свой, свой, своя квартира. Старший сын, я купила, за тыщцу двести домишко. И вот стоит уже шиисят лет. Я тыщцу двести отдала, и год расплачивалась! Чё я получала сем(ь)десят два рубля, а дети у меня учились

одновременно в Свердловском, трое, трое ребят! Надо одеть, надо обуть, и надо, за квартиру платила! Высылала копейки эти, уроши! А сама... до сих пор не сдохла! (*смеётся*) От зато, зато сейчас мне радостно! Я, вот так меня, юбилей справляли, как мне выступали, аж мороз берёт! Попросят меня ходить в центр, в сельсовете учить, как можно дальше жить! Как я... шесть классов кончила, как я могу указывать жить?! Как я могла, как меня родители воспитали, как... Сын идёт самый старший, от первого мужа. Ну как я могу прыти и указывать?! Как могла?! И в школе задавали вопросы, и в Благовещенске письма мне, и с армии ещё присылали... Командир части: «Степановна, как Вам удалось такого сына воспитать, как у нас Алексей?! Командир полка <...>

«А всё-таки сила господня, девчата, есть!»

*Маркова Вера Степановна, 1923 г.р.,
п. Поярково Михайловского р-на Амурской обл.,
Беседовали Лагута Н.В., Старыгина Г.М., 2013 г.
Обработала Н.В. Лагута, 2016 г.*

– Ну, прожила замечательно! Я чё-то не... не... Я чё-то така довольна! И такая ли как-то вроде обиды у меня никакой нету. Конечно, обида то(г)да была, когда фронтовики получали молоко без очереди, значит, фронтовик, а я последняя очередь, о-от такую очередь. Как скажут: «Фронтовики!», у меня аж (*нрзбр.*) аж пятки колит! Думаю, мой два, два фронта прошёл, и сама ишачила всю войну! Ой, ну думаю ну, господи! господь дал терпение, вынесла, всё вынесла! До обеда поедешь, две лошади, двое саней. На острова сюда возили мы чищу, дрова возили. Ну на топку. Приедешь до обеда на на надо нарубить чищу увьючить и привезти разгрузить и обратно. А вечером уже на Амур выезжаем, солнце уже как как закатывается. Да привезёшь, территорию разгрузишь, сбрую снимешь, лошадь, сними так от сейчас.

– *Она тяжёлая же очень?*

– Ага. Доодна там, одна- друга, он кака тяжёла. Снимешь, а сбрую, сбрую отнесёшь, на место повешаешь. Лошадь у конюхню завезёшь, и всё. И домой. А дома и скотина надо ночью А утром обратно, уже к восьми там. От так, доченька, ли стох, пятьдесят копён, вы... ты... вы не понимаете. Копна для лошадиная, когда сено сдвигаются, делают копны. У нас было де-то врач, одну копну подымал вилами. И подают мне стоу, стоу надо поставить пятьдесят копён. На корову и на лошадь на год норма. И вот четыре мужика подают, и надо каждый пласт нормально положить, у меня девять стув было, ни один стоу не затёк. От так работали мы! То так и (*нрзбр.*) была от сейчас (*нрзбр.*) придёт приковыляет да уговорит: «А ты изработана, как та дохла лошадь!» Любила работать! Любила! Или (г)де какой воскресник, я всеуда первая! Но почему, не знаю! Почему-то я, от мне кажется, от я то не такэ делаю. Я встаю, нет, я хочу вперёд! И вот дети у меня такие! А почему?! Или я свою кровь им влила?! Отец у их такой был. Чё не взялся, всё сделал. Сейчас от дети у меня – всё-всё сами! От по всей Пояркове, от сейчас как-то мой (в)роде больше, (в)роде всё переделано! Я уговорю: «Дети, да хоть бы вы отдохнули, хватит вам мотаться!»

– *Вера Степановна, что самое радостное было в Вашей жизни?*

– Да мне кажется, кака(я) радость, мне сейчас радость как-то, что мне де... шо я сумела детей үсударству отдать неплохих! Вот моя радость, больше ничё!

– А самое плохое?

– А у мне вроде плохого нет. Мне кажется, всё хорошо.

– А что самое главное в жизни?

– Правда, от как-то я прожила, вот, вроде и нище прожила, и бедно. И я не завидую, шо вот счас у нэй, счас обстановка он кака, всё. От на юбилей подарили, значит, мне чайник. Зачем он мне нужен?! Он у мне есть! Чайник подарили, от эти үрамы подарили, три штучки. Так. А от Люба подарила он, аппарат давление мерить, дочка с этим, с сыном. А Серёжа принёс, (в)он, пять серий, я буду кино смотреть (*смеётся*). Я отключила, үроза была, так и некоүда (в)ключать счас. Ну как, ну кака мож... От я радуюсь, шо у от меня... Только мне обидно берёт, шо от детей, от этих правнуков, от этих, үсударству дадут!

– Плохо воспитывают?

– Плохо! Балуют, балуют! <...>

– А я и үворю, и үворю. Вот я и ложуся, утром встаю, ложуся, спаси моих деточек, (в)сех! Пошли нам (в)сем-(в)сем блаүополучия! (В)сем-(в)сем моим деткам, внучаткам и (в)сем добрым людям! Так от я (в)сеүда и ложусь, и утром (в)стаю! И так живу. А (в)сё-таки сила үосподня, девчат, есть!

«Но хорошего будет мало, девки...»

Лесникова Анна Аникиевна, 1936 г.р.

с. Джалинда Сквородинского р-на Амурской обл.,

Беседовала Галимова Д.Н., 2010 г.

Обработала Н.В. Лагута, 2016 г.

– Ведь, хочется, чтоб было хорошо, чтоб жили хорошо... Но хорошего будет мало, девки, да, хорошего будет мало... Вот всё равно, вот, надо что-то бы вот, что-то менять надо, менять! Неправильно вот это вот всё! Мы уже пожили, мы вот знаем... вот после войны како(е) восстановление шло! Ведь ничё не было! Что, была разруха полная, полная! Мене было восемь лет, я в Сквородино ездила, там бабушка жила, тётка жила. Я вот, приеду туда на лето, у нас семья большая была, двенадцать бабушек, двенадцать человек, семья, стол такой здоровенный! Как все усядемся, мама картошки ведёрко накатит, закатит в русску(ю) печку, она испечётся, в тазик вывалит, чашку капусты наложит, вот и вся еда! Ну, хлеб, хлеб, это уже хлеб всегда был! И вот это, я уеду, там живу. Эта я была... да, от сорок девятом году, в сорок девятом году мне ещё девяти лет не было, я в сороковом родилась. Я приехала, а раньше ездила, там тоже ничё не было, там кусочками, это, продавали хле-еб, резали, я всё-о бегала в магазин. Мы же мы же вот с таких, с мамой всё это делали, всё мы каки(е)-то были, не то, шо щас дети! Его отправят в магазин, он придёт и стоит, его продавец спрашивает: «Что вам? Что тебе надо? Что ты пришёл? мамка т(еб)я за чем отправила?». Он не зна(е)т! мать его за булкой хлеба отправила, он не зна(е)т, зачем его мать отправила! А ить мы-то! Мы-то всё, всё от, всё делали! И вот я в сорок девятом году приехала, ой, а магазин... зашла

в магазин, батюшки, конфет, каких только нету! А-а, этих, печенья, пряники, раньше как-то пряники...

– *Тульские да?*

– И тульские были, и были мятные! Бе-елые! И жё-олтые! Такие вот, вот ну, пряники вообще, вкуснятина! Как-то всё... А конфеты... вот щас таких конфет нету! Эти леденцы! Сахарные! Ну от всякие, глаза разбегались! А потом уже на другой, десять лет мне было, уже стало, я на другой год, я ездила в летнее время после школы туда, отъедаться! Ну я там, меня, все, там тётки были, дядьки и... и бабушка там же жила, ну от я у их, у всех...

– *Все подкармливали?*

– Ага. А чё у них, сахар постоянно, а у нас сахар тогда был, у нас это был очень большой праздник по субботам, в субботу же в баню идём! Идём в баню. Трусики свои постираю, на трубу повешаю, пока моемся, трусики высохнут. О, как жили, да! Матрас этот набъём сеном... Вся вот эта постель была! Жили-то, батюшки! Но выкарабкались! Хоть и хаят, хаят, вот коммунистов хаят, а ведь выкарабкались! В магазинах потом стало всё! Вот всё стало в магазинах! Ситец, пойдёшь – пейсят копеек! У нас мама к каждому празднику нам плат(ь)ишила! К ка-аждому празднику! А сейчас?!

«Ну, так вот и живем помаленьку»

Войлошникова Зоя Михайловна, 1936 г.р.

с.Чесноково Михайловского района Амурской области

Беседовали: Лагута Н.В., Старыгина Г.М., 2013 г.

Обработала: Лагута Н.В., 2016 г.

– Вот на этот, в День любви, семьи и верности нам с дедушкой было писят восемь лет, как живем, и вот, и дедушка живой, и я вот еще. Ну просто уже... мы же попали как, наших же отцов позабрали в три(д)цать восьмом году и мы вот это, как бы щас... А в писят шестом только с нас сняли, как мы были дети врагов народа, вот, и поэтому вот это, мы живем, терпим. А куда денешься?! И не обижаемся на власть на нашу. Отцы наши пострадали совсем ни за что! Да все, везде ж забирали, и на западе забирали, и здесь забирали, везде забирали. Ну у нас в Чесноково больше всех забрали. У нас забрали сорок девять аж человек. Вот у моёго дедушки забрали трех дядьков. Трех дядьков и отца его, дедушкиного. А у меня забрали сразу в одну ночь папку и дедушку моего тоже... Так што мы...

– *Насовсем?*

– Ну да, и сразу их там (г)де, расстреляли или куда их, мы ж ничего о них даже не знаем. Вот просто в писят шестом году с нас сняли, как бы мы, что мы щас, нам и щас платят, как бы мы пострадавшие жертвы, дети. И вот так от... Да не надо шуметь! (*котёнку*) Живем помаленечку, живем! Пенсию платят. Работали, всю жиз(н)ь проработали вот в колхозе, потом в совхозе. Село наше хоро-ошее было, у нас было и общежитие, было у нас... Ну дом культуры-то у нас щас есть! У нас было только... восемь тысяч свиней только было! Представляете?! Было четыре стада коров, все, все у нас было, у нас село очень хорошее было! Студенты к нам люби-и-ли приезжать. Обычно в других деревнях там, где в опшаниках, это во, где там эти вот, картошечку хранят. А у нас было хорошее, было, это, гостиница, обще-

жит(и)е! У нас село хорошее было. Назван(и)е ему было «Память Ленина»! А щас... Ленин щас никто. Мои дети выросли на Ленине, мы выросли, а щас видишь... Уже наши внуки... Мы дожили, вы знаете, мы дожили. Ну, мы рано поженились. Мы дожили, у меня уже восемь внуков и девять правнуков! вот уже скока!

– *Богатая Вы!*

– Богатая бабушка, ага, богатая! Ну, так вот и живем помаленьку.<...>